

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

УДК 339.9

DOI: 10.26456/2219-1453/2023.4.220–233

JEL A10, B41, C01

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ РОЛИ И МЕСТА МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Б.Д. Матризаев

ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации», г. Москва

Статья направлена на определение глобальных тенденций, которые будут работать в качестве основных факторов экономического роста и определять относительную производительность в различных регионах мира; отражает последние тенденции и показывает их с точки зрения формирования глобальной экономики и потенциальных проблем, которые могут возникнуть. На сегодняшний день в основных исследованиях по макроэкономической теории выделяется пять основных факторов экономического роста, которые будут определяющими в предстоящие десятилетия: население и человеческий капитал; капитал и рынки капитала; глобализация и торговля; технологии и инновации, а также новые рубежи для роста производительности. В исследовании рассмотрен каждый из перечисленных факторов, а также их влияние на рост, предполагая, что они являются независимыми детерминантами. Безусловно, это – упрощение: некоторые факторы сами непосредственно зависят от экономического роста. Научной новизной является предложенный новый критический взгляд на отдельные прикладные аспекты макроэкономического анализа глобализации и экономического роста, а также обобщение трехфакторной производственной функции, что, как показано, значительно влияет на эконометрическую оценку эластичности замещения. Критически анализируется теория Хекшера-Олина, которая дает новый подход к анализу поставленной задачи. Данные теоретические выводы дают возможность выхода на новые эмпирические предположения в рамках данного исследования.

Ключевые слова: макроэкономическая теория, экономический рост, глобализация, модель.

1. Введение

Как известно, одним из главных средне- и долгосрочных последствий глобального экономического кризиса 2008 г. стал резко замедлившийся рост мировой торговли после 2010 г. [1], [2], как в абсолютном выражении, так и по отношению к росту мирового производства. Так, если до кризиса 2008 г. темпы роста мировой торговли значительно опережали темпы роста мирового ВВП, то после 2011 г. данные

показатели уже были равнозначными, а после 2016 г. показатели первого и вовсе отставали от показателей второго. Разумеется, эти факты вызвали обеспокоенность со стороны всех наднациональных институтов, и прежде всего Всемирной торговой организации (ВТО) и Международного валютного фонда (МВФ), и побудили в научной и экспертной среде макроэкономистов дискуссии на предмет того, является ли современная макроэкономическая теория свидетелем конца глобализации. Например, в уже 2015 г. ряд макроэкономистов-экспертов в статьях в *The Washington Post* предположили, что «это явление (авт. глобализация) ... возможно, подходит к концу».

В течение следующего года в макроэкономических кругах алармистские настроения относительно неминуемого заката глобализации еще больше усилились после референдума по Brexit в Великобритании в июне и избрания Дональда Трампа президентом США в ноябре. Главный вопрос, который интересовал макроэкономистов, заключался в том, какова должна быть роль макроэкономической теории в исследовании причин современных вызовов глобализации и каково её место в дальнейшем предотвращении аналогичных шоков?

В 1990-е гг., когда интеграция международной экономики углублялась ускоряющимися темпами, ряд макроэкономистов, в частности, такие как П. Херст [21] и Г. Томпсон [36], отреагировали на противников глобализации того времени, указав, что глобализация не является новым явлением. Они утверждали, что данный тренд является необратимым. В противовес им П. Байрош [12] уже писал о развороте протекционистской торговой политики, наблюдавшемся в Европе с конца 1870-х гг. и далее. Кроме того, в своем научном докладе в Ассоциации экономической теории Д. Уильямсон предположил, что глобализация конца девятнадцатого века, возможно, «посеяла зерно саморазрушения», создав как проигравших, так и победителей [38]. Это предположение было поддержано рядом других макроэкономистов, таких как К. О'Рурк [32], Э. Тиммер [37], Т. Хаттон [20] и др. По мнению некоторых макроэкономистов точно так же, как первым посылом макроэкономистов было попытаться умерить некоторых ярких сторонников концепции «глобальных денег» 1990-х гг. [17], так и их первой задачей сегодня, возможно, должно быть прекращение разговоров о неминуемом закате глобализации. Экономической теории есть что сказать о том, как выглядит деглобализация, и о том, соответствует ли то, что переживает сегодня мировая экономика, характеристике деглобализации.

2. Теоретико-методологические основы и определение концепции исследования феномена глобализации

Понятие глобализации имеет многогранный аспект, и, говоря о глобализации, макроэкономическая теория в первую очередь имеет в виду интеграцию международных рынков товаров, рабочей силы и капитала. Под интеграцией рынков подразумевается снижение издержек ведения бизнеса на международном уровне – перемещения товаров, людей или капитала между странами или континентами. Эти затраты могут снизиться благодаря

более совершенным технологиям или в результате воздействия социально-экономических факторов, способствующих международной экономической интеграции, таких как более либеральная политика внутренней торговли. Передача технологий является наиболее важным экономическим аспектом глобализации, который имеет решающее значение для долгосрочной динамики экономического роста.

Между тем, как подчеркивает в своих исследованиях К. О'Рурк [32], глобализация, преобладающая в вышеприведенном аспекте, неминуемо приводит к сокращению ценовых разрывов между рынками. Как результат, при прочих равных условиях снижение издержек приводит к увеличению объема торговли (или миграции, или потоков капитала, в зависимости от обстоятельств), именно поэтому имеет смысл обратить внимание на размер потоков, а также на разрыв в ценах. На априорных основаниях представляется разумным ожидать, что разрыв в ценах между рынками, которые были ближе друг к другу, сократится раньше, чем разрыв в ценах между рынками, которые были дальше друг от друга, и что при прочих равных условиях ценовые разрывы сократятся раньше для более ценных товаров, чем для более дешевых и объемных. Далее К. О'Рурк утверждает, что межконтинентальный разрыв в ценах начал систематически сокращаться только в девятнадцатом веке. За данным утверждением последовали обширные исследования, недавним из которых является исследование Д. Федерико [17]. Теперь мы знаем, что, хотя объем торговли и скорость сближения цен действительно были гораздо более впечатляющими в девятнадцатом веке, чем раньше, свидетельства сближения цен можно найти и в новейшей истории. Конечно, существует также целый ряд других обширных исследований [3], [4], [5] на предмет международной торговли в новейший, средневековый и даже более ранние периоды. Они говорят о том, что даже если рынки на больших расстояниях, возможно, и характеризовались большими разрывами в ценах, но потоки товаров и, что, возможно, более важно, потоки технологий, капитала и ценных бумаг временами были достаточными для того, чтобы оказывать корректирующее воздействие на макроэкономические показатели. Точно так же, как мы можем найти свидетельства глобализации до девятнадцатого века, в зависимости от нашего определения, можем найти свидетельства деглобализации, что часто связано с геополитическими потрясениями, такими как крах Римской и других империй, политические кризисы в Европе и другие аналогичные шоки. Но, как будет показано далее точно так же, как глобализация девятнадцатого века и более поздних периодов отличалась от предшествовавших им периодов, так же отличались и вызванные ею негативные последствия.

В макроэкономической теории и практике каноническим примером деглобализации является период 1930–1940 гг., ознаменовавшийся всемирным повышением тарифов, а также широко распространенным применением квот, валютного контроля, практики множественности обменных курсов, смещенных в сторону импорта, и различных клиринговых механизмов. В противовес этому примеру, в десятилетний

период 2008–2017 гг. среднемировые тарифы практически не выросли, хотя 7,4 % мирового экспорта столкнулись с более высокими внешнеторговыми тарифами во второй половине данной декады, чем в первой. Продолжением данной практики стало то, что в 2018 г. администрация США ввела широкий спектр внешнеторговых тарифов, и ответные меры со стороны нескольких стран ее торговых партнеров, в частности Китай и некоторые страны Европы. Однако, несмотря на этот факт, а также на широкое применение различного рода нетарифных барьеров и политики искусственного стимулирования экспорта, большинство макроэкономистов согласятся с тем, что в военные периоды протекционизм становится гораздо более повсеместным и навязчивым, чем то, что мы наблюдали с 2008 г. На графике 1 (рис. 1) наглядно можно увидеть, что по состоянию на 2017 год в США внешнеторговые тарифы оставались на исторически низком уровне.

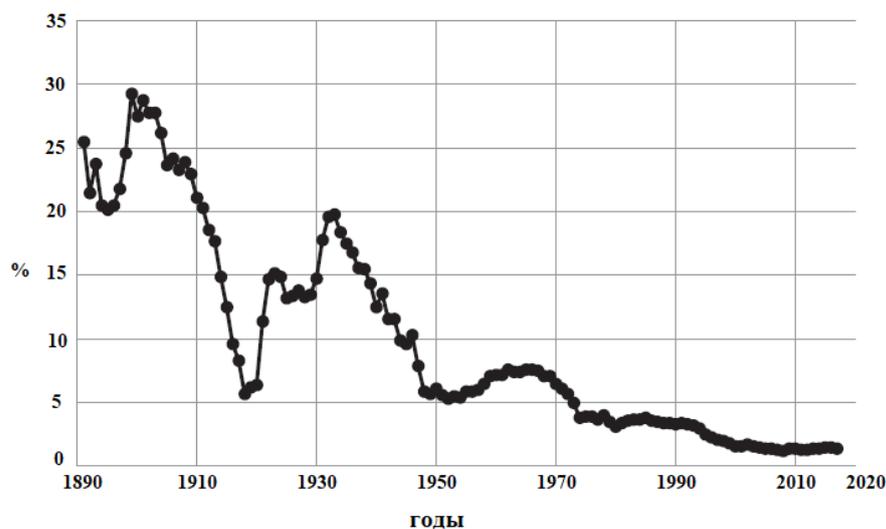

Рис. 1. Средние тарифы в США (пошлины, взимаемые как доля от общего объема импорта), 1891–2017 гг.

Источник: Комиссия по международной торговле США, данные доступны по адресу <https://www.usitc.gov/documents/> (дата обращения 21.07. 2021 г.).

По мнению ряда экспертов, на момент начала истории с БРЕКСИТ (BREXIT)¹ представлялось вполне возможным, что в конечном итоге оно приведет к серьезной дезинтеграции рынков, связывающих Соединенное Королевство и Европейский союз (ЕС), и последствия президента Трампа для торговой политики США и ВТО кажутся все более тревожными. Но, как можно видеть по состоянию на сегодняшний день, начиная с 2008 года, не произошло возврата к протекционизму, сравнимого с вышерассмотренным примером после 1929 г.

¹ Процесс, начатый с референдума 23 июня 2016 г. в Великобритании, связанный с прекращением членства Великобритании в Европейском союзе и связанная с этим техническая процедура

Несмотря на то, что рост мировой торговли ускорился в 2017 г., использование одних только объемов торговли в качестве доказательства деглобализации ошибочно. Они могут повышаться или понижаться из-за фундаментальных изменений в спросе или предложении, не связанных с затратами на ведение бизнеса за границей. Если эти затраты не изменятся, и компании решат замедлить или даже свернуть свою деятельность по аутсорсингу, например, из-за изменения относительной заработной платы, это вряд ли можно считать деглобализацией. Вот почему, как отмечалось ранее, во многих исследованиях по макроэкономической теории для оценки уровня интеграции или дезинтеграции международных рынков использованы данные о ценах. Относительно тенденций, имевших место в течение XX в. можно обнаружить сравнительно малое количество исследований. Однако в имеющихся исследованиях можно обнаружить ряд аргументов, свидетельствующих о деглобализации после Великой депрессии. В частности, в своих исследованиях В. Хайнс [24], Д. Джекс [26] и К. О'Рурк [32] использовали цены на сельскохозяйственные товары, взятые из Международного ежегодника сельскохозяйственной статистики. К. Хайзлер [18] и Д. Макги [29] использовали розничные цены на продукты питания в США и Канаде. В обеих группах исследователей авторы приводят аргументы, свидетельствующие об увеличении разрыва в международных ценах в 1930-е гг.

Подводя промежуточный итог, можно сказать, что, хотя события 2016 г. были драматичными, с точки зрения макроэкономической теории нет однозначных аргументов, позволяющих утверждать, что по состоянию на конец 2021 г. мир пережил масштабную деглобализацию. Однако в будущем это все еще может измениться. Главный вопрос в том, в какой степени макроэкономическая теория в состоянии объяснить причины глобализации и/или деглобализации, и помогает ли она понять, как реагировать на эти процессы.

3. Роль и место макроэкономической теории в эмпирических исследованиях отдельных аспектов глобализации

В ряде исследований в макроэкономической теории можно заметить весьма распространенный аргумент о том, что ряд популистских тезисов, связанных с Брекситом 2016 г., представляли собой (по крайней мере частично) ответную реакцию на глобализацию, основывается на трех утверждениях. Во-первых, мировая экономика стала значительно более интегрированной после 1990 г., и особенно после 2001 г., когда Китай вступил в ВТО. Во-вторых, эта глобализация имела значительные последствия для процесса распределения товаров и ресурсов. В-третьих, эти эффекты распределения в конечном итоге привели к большим социально-экономическим последствиям. Если первый из этих аргументов вызывает мало споров среди исследователей макроэкономической теории, второй и третий аргументы до сих пор вызывают весьма оживленные дискуссии.

В 1990-х гг. макроэкономисты пытались оспаривать аналогичные три аргумента, чтобы объяснить негативную реакцию антиглобалистов конца

XIX века. Во-первых, они утверждали, что в конце XIX века международная экономика интегрировалась впечатляющими темпами. В значительной степени этому способствовали технологические изменения, в малой степени геополитические факторы, такие как деколонизация европейского империализма, которая открыла путь бывшим колониям к свободной международной торговле, ведение близкой к свободной торговле с такими странами, как Китай и Япония. Либерализация торговли в пределах самой Европы также играла важную роль. В частности, ряд авторов [8], [10], [11] в своих исследованиях использовали данные о ценах для эмпирической оценки трансатлантических товарных рынков. Учитывая данные о транспортных расходах и объемах торговли, становится ясно, что в XIX веке произошла глубокая интеграция товарных рынков. Также очевидно, что международные рынки рабочей силы и капитала стали гораздо более интегрированными. К концу рассматриваемого периода более миллиона европейцев ежегодно покидали континент в направлении США, а также наблюдался значительный отток населения из Китая и Индии. Доля иностранных инвестиций в мировом ВВП выросла с 7 % в 1870 г. до почти 20 % накануне Первой мировой войны [20].

Во-вторых, в литературе по макроэкономической теории 1990-х гг. утверждалось, что интеграция товарных рынков и массовая миграция оказывают значительное влияние на распределение, хотя они различаются в разных странах. Что касается товарных рынков, то утверждалось, что сокращение разрыва в ценах на сырьевые товары при прочих равных условиях привело к росту мировых цен на сельскохозяйственную продукцию и цен на европейские промышленные товары, в то время как наблюдалось снижение европейских цен на сельскохозяйственную продукцию. В своих исследованиях отдельные авторы [13] использовали модель вычислимого общего равновесия (CGE), чтобы показать, что эти ценовые шоки сыграли положительный эффект в моделях с избыточной экономикой и отрицательный эффект в моделях с дефицитной экономикой, впрочем, как и в классической модели Хекшера-Олина. Авторы на основе данных небольшой группы из семи стран «атлантической экономики» представили эмпирическое обоснование тезиса о том, что относительные цены на товары были связаны с относительными ценами на факторы производства в соответствии с теорией Хекшера-Олина. Впоследствии Д. Уильямсон [38] расширил данную модель, включив в нее группу из тех стран, которые в XX веке стали называться Третьим миром.

Что же касается эконометрического подхода К. О'Рурка, основанного на панельной регрессии с семью странами и восемью временными периодами, то в условиях сегодняшних реалий он может показаться не особенно убедительным. С другой стороны, это был, по крайней мере, теоретически согласованный эконометрический тест модели Хекшера-Олина, что встречается достаточно редко. Поскольку это теория общего равновесия, которая предсказывает взаимосвязь между вектором цен на товары в масштабах всей экономики и вектором цен на факторы производства в масштабах всей экономики, подходящей единицей

наблюдения является макроэкономическая система в целом, а не экономика региона или отрасли. Немного позднее, в своих исследованиях К. Митченер [31], возвращаясь к этим вопросам, установил связь между торговлей (т.е. ценами на продаваемые товары) и распределением доходов, используя методы моделирования, основанные на данной модели. Наиболее влиятельной исследовательской работой, в наибольшей степени, раскрывающей взаимосвязь торговли и распределения доходов на сегодняшний день, заслуженно является исследование Г. Хэнсона [19]. Автор в своих исследованиях показывает, что в регионах США, которые были в большей степени подвержены растущей конкуренции со стороны китайского импорта в период с 1990 по 2007 гг., наблюдался более высокий уровень безработицы, более низкая доля рабочей силы и более низкая заработная плата в ВВП.

Когда речь заходит о влиянии рабочей силы, массовой миграции на распределение доходов, то здесь авангардом выступают исследования А. Тейлора [34], в которых на основе трехфакторной производственной функции (земля, рабочая сила и капитал) производилась эконометрическая оценка эластичности замещения, на основе данных для группы из 14 стран. Эта эластичность, вместе с информацией о долях факторов производства, позволила получить показатели эластичности совокупного спроса на рабочую силу, что позволило оценить влияние шоков предложения рабочей силы, вызванных миграцией, на заработную плату. Например, увеличение численности рабочей силы в США на 24 % в период с 1870 по 1910 гг., по оценкам, привело к снижению заработной платы в США на 8 %.

В целом, авторы вышеупомянутых и отдельных других исследований предполагают, что миграция рабочей силы XIX века оказывала давление на местные рынки труда в США. Т. Хаттон [20] в своих исследованиях обнаружил, что более высокие показатели иммиграции коррелируют между штатами США с более высокими показателями оттока коренного населения, учитывая множество других факторов, в то время как В. Коллинз [14] обнаружил отрицательную корреляцию между чистой миграцией иностранцев и афроамериканцев в США.

Из нижеследующих примеров можно заметить, что и в рамках современной макроэкономической теории ведутся весьма активные дебаты относительно вопроса, влияет ли уровень современной иммиграции на заработную плату или уровень занятости. В качестве сравнительно недавних примеров можно привести исследования Д. Оттавиано [33], в котором было обнаружено, что иммиграция в США в период с 1990 по 2006 гг. оказала небольшое положительное влияние на заработную плату местных жителей, но снизила заработную плату предыдущих иммигрантов. Аналогичные результаты в целом получают в своих исследованиях М. Манакорда [30] на примере исследования процессов иммиграции в Соединенное Королевство с 1970-х по 2000-е гг. и К. Дагманн [15], обнаруживший, что иммиграция в 1991 г. оказала умеренно негативное влияние на заработную плату и занятость местных уроженцев Германии.

Разумеется, такие противоречивые результаты контрастируют с однозначными выводами в исследованиях 1990-х гг. Объясняется ли этот контраст различными типами данных и методологиями исследований или различными социально-экономическими контекстами? Одно очевидное социально-экономическое различие касается пропорционального масштаба миграционных потоков: по оценкам А. Тейлора [34] иммиграция увеличила предложение рабочей силы на 24 % в США, на 44 % в Канаде и на 86 % в Аргентине. Было бы странно, если бы такие огромные потоки не оказали влияния, пусть даже и противоположного, на заработную плату. Более опосредованно, размер миграционных потоков, возможно, облегчил определение эластичности заработной платы за счет большего смещения кривых предложения рабочей силы. В свою очередь Р. Абрамицки [6] перечисляет несколько причин, по которым эластичность заработной платы по отношению к иммиграции могла быть в США сто лет назад выше, чем сегодня: большее сходство характеристик иммигрантов и местного населения на рынке труда; меньшая занятость в секторе услуг, где влияние на заработную плату может быть минимальным; или аналогичная нормативная база (предполагающая незначительное регулирование) для обеих категорий. С учетом вышесказанного можно было бы ожидать, что краткосрочные и долгосрочные последствия иммиграции будут различными, поскольку накопление и технологические реакции на иммиграцию потенциально ослабляют ее влияние на заработную плату. Можно было бы также ожидать, что влияние иммиграции будет варьироваться в зависимости от характера потоков, а также институционального и экономического контекстов. Здесь Р. Абрамицки, безусловно, прав, призывая к проведению дополнительных исследований с использованием современных эконометрических методов для более полноценного выявления взаимосвязи между миграцией и рынком труда в конце XIX века.

В целом можно сказать, что в исследованиях конца XIX века было обнаружено, что глобализация породила как победителей, так и проигравших, причем наиболее заметными проигравшими был ряд европейских стран.

4. Критический анализ основных подходов определения эффективности формирования макроэкономической политики в условиях глобализации

Продолжая логику исследований конца XIX века, вспомним, что в своих исследованиях К. О'Рурк [32] предполагал, что деглобализация в XIX веке была не только результатом внешнего шока, а именно войны, но и имела свои корни в негативной реакции антиглобалистов конца XIX века. В данной статье мы не станем обсуждать подробно, в какой степени это было на самом деле, но это заслуживает внимания. Здесь необходимо вспомнить об одном важном обстоятельстве, например, об иммиграционной политике США. Существует четкая преемственность между постепенным ужесточением ограничений в течение конца XIX века, введением Закона США об иммиграции 1917 г. и иммиграционными квотами 1920-х гг.

Европейская система защиты сельского хозяйства, введенная до 1914 г., пережила войну в целостности и сохранности и остается по сей день. В конце XIX века также произошел сдвиг в сторону защиты тяжелой промышленности в частности и обрабатывающей промышленности в целом от британской конкуренции.

Эти явления были настолько распространенными, что Р. Аллен [9] описывает его как часть «стандартной модели развития». Она была принята странами по всему миру, когда они восстановили тарифную автономию. С другой стороны, было бы неправильно предполагать, что начало Первой мировой войны и Великая депрессия не представляли собой важных разрывов, имевших серьезные негативные последствия для открытости мировой экономики. В какой степени любой из них можно рассматривать как факторы саморазрушения политики глобализации, в отличие от внешних шоков, вызванных в остальном надежной и открытой международной системой?

Ответ на этот вопрос необходимо начать с Великой депрессии. Известно, что в своих исследованиях П. Темин [35] отмечал, что система золотого стандарта и Великая депрессия были неразрывно связаны. Система золотого стандарта была частью институциональной инфраструктуры, лежащей в основе глобальных рынков капитала. Возврат к системе золотого стандарта в 1920-х гг. был важной частью попытки воссоздать сильно глобализированный довоенный мир и был воспринят как сигнал о приверженности в целом к открытой международной системе. В этом смысле можно рассматривать последовавшую за этим Великую депрессию как следствие вызванной глобализацией 1920-х гг. Возможно, это несколько предвзятый аргумент. Более веской причиной считать, что Великая депрессия была вызвана, по крайней мере, в некоторой степени, предшествовавшей ей глобализацией, ролью, которую сыграли международные потоки капитала в распространении кризиса по всему миру. Предположительно, это всегда было самоочевидным для макроэкономистов-теоретиков таких стран, как Германия, здесь в центре внимания исследования Ч. Киндлбергера [28]. Но также думается, что англосаксонские макроэкономисты, и прежде всего П. Темин [35] и Б. Айхенгрин [16], были склонны думать о депрессии больше в стиле макроэкономического подхода Манделла-Флеминга, где в центре анализа находятся обменные курсы, процентные ставки, а также денежно-кредитная и налогово-бюджетная политика. Эти подходы хорошо согласуются с неоднократными критическими суждениями Д. Кейнса [27] о послевоенной макроэкономической политике. Однако после кризиса 2008 г. и, в частности, после кризиса еврозоны 2010 года, стало более естественным вновь рассматривать депрессию в Европе с точки зрения внезапной остановки потоков капитала, что сравнительно недавно продемонстрировали в своих исследованиях О. Аккоминотти [7] и Б. Айхенгрин [16]. Рассматриваемая с этой точки зрения, Великая депрессия в Европе более четко предстает как негативное последствие определенного аспекта глобализации, а именно мобильности капитала: когда кредитование

прекратилось, такие страны, как Германия, оказались вынуждены сокращать расходы, в то время как их финансовые системы оказались под давлением, поскольку иностранные вкладчики забирали деньги из банков. И, возможно, немецкая макроэкономическая наука, в которой обсуждается вопрос о том, мог ли канцлер Брюнинг, широко критикуемый за свою разрушительную в экономическом отношении политику жесткой экономии, вести себя менее категорично, сегодня вызывает больший резонанс, чем когда-то, у наблюдателей с периферии еврозоны.

В той мере, в какой Великая депрессия была вызвана сбоями в работе международных рынков капитала или золотым стандартом, который, как считалось в то время, поддерживал их, явно свидетельствует о предполагаемом нами наличии фактора саморазрушения политики глобализации, поскольку Великая депрессия была основной причиной послевоенного протекционизма. В своих исследованиях Д. Ирвин [25] и Б. Эйхенгрин [16] показывают, что протекционизм в 1930-е гг. был связан с приверженностью золотому стандарту, на что ранее обращала внимание, в частности, Лига Наций [22]. Более длительное использование золота означало проблемы с платежным балансом и более затяжную депрессию, и это лишало макроэкономистов альтернативных способов решения этих проблем.

Что могло бы предотвратить эти глобальные потрясения? Очевидный ответ заключается в более эффективном формировании макроэкономической политики: страны могли бы отказаться от золота раньше, предпочтительно скоординированным образом, и использовать полученную в результате гибкость политики для восстановления своей экономики. В этом смысле ответные меры глобальной макроэкономической политики после 2008 г. были намного более эффективными. Опыт периферии еврозоны после 2010 г., когда страны оказались неспособными к девальвации, вынужденными прибегать к проциклической жесткой экономии (до тех пор, пока Марио Драги не взял бразды правления Европейским центральным банком), и явились заложниками в рамках валютного союза, проводящего чрезмерно консервативную макроэкономическую политику, показывает, что эти основные макроэкономические уроки Великой депрессии все еще сохраняются. Этот опыт, несомненно, помогает объяснить избрание популистских правительств в странах Еврозоны после кризиса 2008 года.

5. Заключение

Мировая экономика еще не окончательно перешла «красную черту», ведущей к масштабной деглобализации, но в будущем это может произойти с опасными мега-макроэкономическими последствиями. Что необходимо делать?

К счастью, уроки Великой депрессии повлияли на подходы к формированию макроэкономической политики после 2008 г., но это не единственные важные уроки. Здесь уместно вспомнить политические кризисы, охватившие США и Соединенное Королевство после 2016 г., где посткризисное макроэкономическое управление было намного лучше, чем в

евроzone, и где восстановление произошло соответственно быстрее. Это говорит о том, что долгосрочные факторы, связанные с мировой торговлей и миграцией, могут оказывать большее влияние, чем макроэкономический и финансовый кризис после 2008 года. Является ли совпадением то, что политические кризисы после 2016 г. произошли в странах, где основополагающие принципы равноправной международной торговли и трудовых отношений, предложенные М. Губерманом [23] в XXI веке были подорваны сильнее всего? История подсказывает, что, если правительства заходят в чем-то слишком далеко, включая рынки в целом и деглобализацию в частности, следует ожидать реакции.

Как экономистов, нас учат поиску закономерности и индуктивному мышлению, построению логического умозаключения, основанного на принципе: от частного к общему. Но в исторической науке принято распознавать уникальность отдельных событий и признавать роли, сыгранные в них контекстом, случайностями и выбором, сделанным отдельными действующими лицами. Это творческий поиск, лежащий в основе науки и делающий ее увлекательной. Общая точка зрения макроэкономической теории и исторической науки важна сегодня, поскольку она как никогда напоминает мировому сообществу о том, что человечество обладает свободой волеи, которую оно может проявлять к лучшему или к худшему. Нет ничего неизбежного. В опасные времена эту мысль полезно иметь в виду.

Список литературы

1. Абалкин Л.И. От экономической теории до концепции долгосрочной стратегии // Проблемы современной России. М., 2011. С. 39–47. (статья с аналогичным названием в журнале «Вопросы экономики»).
2. Аганбегян А.Г. Россия в послекризисный период: нужна новая кредитно-денежная политика // Национальный банковский журнал. № 7. 2012.
3. История экономики: учебник для среднего профессионального образования / О.Д. Кузнецова, И.Н. Шапкин, А.С. Квасов, Л.И. Пермякова. – 4-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2021. 435 с.
4. Моделирование экономической динамики: риск, оптимизация, прогнозирование / под ред. Р. М. Нижегородцева. М.: Диалог-МГУ, 1997.
5. Сухарев О.С. Экономическая теория. Современные проблемы: учебник для вузов / О.С. Сухарев. – М.: Издательство Юрайт, 2021. 215 с.
6. Abramitzky R., Ager P., Boustan L., Hansen Casper W. The Effect of Immigration Restrictions on Local Labor Markets: Lessons from the 1920s Border Closure. January 2023 American Economic Journal Applied Economics 15(1):164-191, doi:10.1257/app.2020080729
7. Accominotti O., Ugolini S. International Trade Finance from the Origins to the Present: Market Structures, Regulation, and Governance. September 2020, in book: The Oxford Handbook of Institutions of International Economic Governance and Market Regulation, doi:10.1093/oxfordhb/9780190900571.013.
8. Aghion P.; Howitt P.: Endogenous Growth Theory: Cambridge: MIT Press, 1998

9. Allen, Robert C. *The Industrial Revolution: A Very Short Introduction*. OUP Oxford, February 2017, p. 144. ISBN:9780191016783, 019101678030
10. Arrow K. J. *The Economic Implications of Learning by Doing*, *Review of Economic Studies*. V. 29, 155–173, 1962
11. Audretsch D.; Welfens P. J. J. eds.: *The New Economy and Economic Growth in Europe and the US*, Berlin: Springer, 200220
12. Bairoch, P. *Free trade and European economic development in the 19th century*. Published 1 November 1972, *Economics European Economic Review*, doi:10.1016/0014-2921(72)90005-05
13. Barfield C. E.; Heiduk G.; Welfens P. J. J., eds.: *Economic Growth and Globalization*, Heidelberg and New York: Springer, 200321
14. Collins, William J. "When the Tide Turned: Immigration and the Delay of the Great Black Migration." *The Journal of Economic History* 57, no. 3 (2009): 607-3225
15. Dustmann C., Görlach J.-S. *The Economics of Temporary Migrations*. March 2016, *Journal of Economic Literature* 54(1):98-136, doi:10.1257/jel.54.1.9828
16. Eichengreen, Barry J. *Globalizing Capital: A History of the International Monetary System*. Published 13 July 1998, *Economics*, doi:10.2307/j.ctt7pfmc
17. Federico, G., Tena-Junguito, A. *A Tale of Two Globalizations: Gains from Trade and Openness 1800-2010*. CEPR Discussion Paper No. DP11128, 18 Apr 201610
18. Hajzler, C., Fielding D. *Relative price and inflation variability in a simple consumer search model*. April 2014, *Economics Letters* 123(1):17–22, doi:10.1016/j.econlet.2014.01.01816
19. Hanson, Gordon H. *Increasing Returns, Trade and the Regional Structure of Wages*. Published 1997, *Economics*, *The Economic Journal*, doi:10.1111/1468-0297.0014523
20. Hatton, Timothy J. *Emigration from the United Kingdom to the United States, Canada and Australia/New Zealand, 1870–1913: Quantity and quality*. Published 1 July 2021, *Economics*, *Political Science*, *Australian Economic History Review*, doi:10.1111/AEHR.122189
21. Hirst, Paul Q. *Globalization in question: the international economy and the possibilities of governance*. Cambridge, UK; Malden, MA: Polity, 1999, p. 3183
22. Horie S. *Changes in and Collapse of the International Gold Standard System*. *The International Monetary Fund* pp 12–31, doi/10.1007/978-1-349-81738-2_3
23. Huberman M. *International Trade and Labor Standards in History*. April 2015, *International Review of Social History* 60(01), pp.118-120, doi:10.1017/S0020859015000097
24. Hynes, W. *To what Extent were Economic Factors Important in the Separation of the South of Ireland from the United Kingdom and what was the Economic Impact?* April 2013, *Cambridge Journal of Economics*, doi:10.1093/cje/bet02514
25. Irwin, Douglas A. "The World Bank, the IMF, and the GATT/WTO: Which institution most supported trade reform in developing economies?". Working Paper Series WP22-19, Peterson Institute for International Economics, 2022. <https://www.piie.com/sites/default/files/2022-11/wp22-19.pdf> (дата обращения 15.01.2023)
26. Jacks, David S. *Foreign Wars, Domestic Markets: England, 1793-1815*, July 2010, *European Review of Economic History* 15(16236), doi:10.2307/23226546
27. Keynes J. M. *The Collected writings of John Maynard Keynes: Activities 1941-1946, shaping the post-war world, Bretton woods and reparations*. Edited by Elizabeth

- Johnson, Donald Moggridge. Macmillan, 01 April 1978, doi.org/10.1017/UPO9781139524131
28. Kindleberger, Charles P. World economic primacy, 1500 to 1990. Published 1 July 1997, Economics, History, doi:10.2307/1061066
29. MacGee J., Amaral P. Trade and the Canadian Great Depression. www.clevelandfed.org/en/newsroom-and-events/publications/working-papers/2016-working-papers/wp-1606-trade-relative-prices-and-the-canadian-great-depression.aspx. Дата обращения: 10.01.2023
30. Manacorda M., Manning A., Wadsworth J. The Labour Market Effects of Immigration. CentrePiece - The magazine for economic performance 245, Centre for Economic Performance, LSE.RePEc:cep:cepnp:245
31. Mitchener K., Weidenmier Marc. Was the Classical Gold Standard Credible on the Periphery? Evidence from Currency Risk. Published 1 February 2015, Economics, The Journal of Economic History, doi:10.1017/S002205071500068622
32. O'Rourke, Kevin H. Capitalism: worries of the 1930s for the 2020s. November 2021, Oxford Review of Economic Policy 37(4):650-663, doi:10.1093/oxrep/grab02
33. Ottaviano G., Puga D. Agglomeration in the Global Economy: A Survey of the "New Economic Geography". Published 1 August 1998, Economics, The World Economy, doi:10.1111/1467-9701.00160
34. Taylor, Alan M. Peopling the Pampa: On the Impact of Mass Migration to the River Plate, 1870-1914. Published 1 January 2000, Economics, Economic History eJournal, doi:10.1006/EXEH.1996.0665
35. Temin, P. Economic History and Economic Development: New Economic History in Retrospect and Prospect. January 2016, doi:10.1007/978-3-642-40406-1_2
36. Thompson, G. The political economy of the New Right. London: Pinter, 1990, p.2164
37. Timmer, As., Williams, Jg. Immigration policy prior to the 1930s: labor markets policy interactions and globalization backlash. Published 1 December 1998, Economics, Political Science Population and Development Review, doi:10.2307/280802
38. Williamson, Jeffrey G. Review Essay on British Economic Growth, 1270–1870 by Stephen Broadberry, Bruce M. S. Campbell, Alexander Klein, Mark Overton, and Bas van Leeuwen. June 2016, Journal of Economic Literature 54(2):514-521, doi:10.1257/jel.54.2.51

Об авторе:

МАТРИЗАЕВ Бахадыр Джуманиязович – кандидат экономических наук, доцент департамента Экономической теории ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (125993, Москва, Ленинградский проспект, 49), e-mail: matrizaev@mail.ru, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-6270-9002>, Web of Science ResearcherID – F-5364-2019, SPIN-код: 8331-2270, AuthorID: 380043.

**ON CERTAIN ASPECTS OF THE ROLE AND PLACE
OF MACROECONOMIC THEORY IN THE STUDY OF MODERN
CHALLENGES OF GLOBALIZATION**

B.D. Matrizaev

FSOBU HE “Financial University under the Government of the Russian
Federation”, Moscow

This article aims to shed light on global trends that will work as the main factors of economic growth and determine relative productivity in various regions of the world, and reflects the latest trends and shows them in terms of the formation of the global economy and potential problems that may arise. To date, the main research on macroeconomic theory identifies five main factors of economic growth that will be decisive in the coming decades: population and human capital; capital and capital markets; globalization and trade; technology and innovation, as well as new frontiers for productivity growth. This study will examine each of the above factors, as well as how they can shape or influence growth, assuming that they are independent determinants. Of course, this is a simplification: some factors themselves are directly dependent on economic growth. The scientific novelty is the proposed new critical view on certain applied aspects of the macroeconomic analysis of globalization and economic growth, as well as the generalization of the three-factor production function, which, as shown, significantly affects the econometric assessment of the elasticity of substitution. In addition, the Heckscher—Ohlin theory is critically analyzed, which provides a new approach to the analysis of the task. These theoretical conclusions provide an opportunity for new empirical assumptions within the framework of this study.

Keywords: *macroeconomic theory, economic growth, globalization, model.*

About the author:

MATRIZAEV Bahadyr Dzhumanijazovich – Doctor of Economics, Associate, Professor, Department of Economic Theory, FSOBU HE “Financial University under the Government of the Russian Federation” (125993, Moscow, Leningradskiy prospect, 49), e-mail: matrizaev@mail.ru, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-6270-9002>, Web of Science ResearcherID – F-5364-2019, SPIN-код: 8331-2270, AuthorID: 380043.

Статья поступила в редакцию 10.11.2023 г.

Статья подписана в печать 20.12.2023 г.